

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2=411.2)
И71

<https://elibrary.ru/rnkjds>

Исследование проведено в рамках совместного проекта Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН и Школы филологических наук НИУ ВШЭ, поддержанного грантом РФФИ № 18-312-20003 (Государство и институты литературы: от реформ Петра I до «Великих реформ»)

Рецензенты:

Ю.А. Сафронова, к.и.н., доцент Европейского университета в Санкт-Петербурге;
Е.Н. Пенская, д.ф.н., профессор Школы филологических наук НИУ ВШЭ

Составители и ответственные редакторы:

А.В. Вдовин, К.Ю. Зубков

Институты литературы в Российской империи [Текст] : коллект.
И71 моногр. / сост. и отв. ред. А. В. Вдовин, К. Ю. Зубков ; Нац. иссл. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. — 496 с. — (Монографии ВШЭ: Гуманитарные науки). — 500 экз. — ISBN 978-5-7598-2710-8 (в пер.). — ISBN 978-5-7598-2863-1 (e-book).

В коллективной монографии, подготовленной сотрудниками НИУ ВШЭ, ИРЛИ РАН и МГУ им. М.В. Ломоносова, раскрываются узловые моменты истории литературных институтов в Российской империи XVIII–XIX вв. Опираясь на институциональную теорию и концепцию публичной сферы, авторы изучают становление социального института литературы в России, его автономизацию и дифференциацию, взаимодействие с органами власти и смежными институтами (образования, судопроизводства, театра и др.). Предложенный в монографии подход позволяет пересмотреть многие традиционные представления об истории русской литературы.

Книга адресована как литературоведам, историкам, культурологам, социологам, так и широкому кругу читателей.

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2=411.2)

В оформлении обложки использована гравюра
«В читальном зале Императорской публичной библиотеки». 1862
(https://nlr.ru/history_nlr/RA2742/novoe-vremya#gallery-1)

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики
<http://id.hse.ru>

doi:10.17323/978-5-7598-2710-8

ISBN 978-5-7598-2710-8 (в пер.)
ISBN 978-5-7598-2863-1 (e-book)

© Авторы, 2023
© Составление. Вдовин А.В.,
Зубков К.Ю., 2023

Оглавление

Введение. «Не литература сама по себе, а ее социальное бытование»: институты литературы в Российской империи	7
ЧАСТЬ I. СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТОВ ЛИТЕРАТУРЫ В РОССИИ XVIII — НАЧАЛА XIX в.	
Глава 1. Открытость поля поэзии, или Поэзия как товар (А.А. Костин)	37
Глава 2. Вымыслы поэтические и преступные: литература среди других институций письма (А.А. Костин)	74
Глава 3. Институциональный статус литературных обществ второй половины 1810-х годов (А.С. Бодрова)	98
ЧАСТЬ II. НОВЫЕ ФОРМЫ КОММУНИКАЦИИ И ЭВОЛЮЦИЯ ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЫ В 1830–1850-х ГОДАХ	
Глава 4. Публичная сфера и политическая мысль: институты полемики в ранней истории западничества и славянофильства (М.Б. Велижев)	131
Глава 5. Фельетоны журнала «Современник» и формирование публичной сферы в 1850-е годы (Е.И. Вожик)	151
ЧАСТЬ III. ЛИТЕРАТУРА СЕРЕДИНЫ XIX в. МЕЖДУ ГОСУДАРСТВОМ И ОБЩЕСТВОМ	
Глава 6. «Прилично ли такое представление на театре»: моральные категории и социальное воображаемое в деятельности драматической цензуры середины XIX в. (К.Ю. Зубков)	177

Глава 7. Чиновник и писатель: случай И.А. Гончарова
(С.Н. Гуськов)..... 229

Глава 8. Пореформенный театр в поисках автономии:
падение театральной монополии и сопутствующие
процессы (А.С. Федотов)..... 247

ЧАСТЬ IV. ПИСАТЕЛЬСКИЕ СООБЩЕСТВА И ПРОБЛЕМЫ АВТОНОМИЗАЦИИ ЛИТЕРАТУРЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Глава 9. Общество для пособия нуждающимся литераторам
и ученым: от «чистого искусства» к реалиям
литературной жизни (М.С. Макеев)..... 275

Глава 10. Русская литературная богема (1860–1880-е годы)
(А.И. Рейтблат)..... 294

ЧАСТЬ V. ЛИТЕРАТУРА И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЕ ПРОЕКТЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Глава 11. От «Полной русской хрестоматии» к первой
программе по литературе: становление стандартов
литературного образования в России и педагогические
проекты А.Д. Галахова 1840–1850-х годов (А.В. Вдовин)..... 315

Глава 12. «Общество это составляю я один»:
генезис и рецепция педагогического проекта Л.Н. Толстого
в свете дискуссий начала 1860-х годов о законах
общественного развития (Ю.И. Красносельская) 349

Глава 13. Чтения для народа как государственный
просветительский проект в поздний период
Российской империи (Я.Я. Агафонова)..... 397

Список сокращений 436

Список литературы..... 437

Именной указатель 479

Об авторах 493

Глава 13

Чтения для народа как государственный просветительский проект в поздний период Российской империи

Я.Я. Агафонова

Говоря об институциональной природе литературного поля в XIX в., нельзя пройти мимо такого явления, как публичные чтения. Эта сложная литературная практика была чрезвычайно популярна на всем европейском пространстве, предваряя распространение кинематографа. Чтения порождали вокруг себя массу предметов материальной культуры, прежде всего брошюры с текстами и иллюстрации для световых проекций, однако эти предметы мыслились обществом как эфемералии, чья ценность носила временный характер, а материалы были дешевыми и, следовательно, недолговечными. В результате мы располагаем довольно небольшим фондом подобных предметов, которые позволили бы нам реконструировать и изучить практику публичных чтений. При нехватке материальных источников обращение к институциональной организации чтений оказывается продуктивной исследовательской перспективой, позволяющей понять, как были устроены публичные чтения и какое влияние они оказали на распространение просвещения в России.

Феномен публичных чтений в Российской империи второй половины XIX в. начал развиваться в среде образованного общества накануне проведения либеральных реформ, когда под эгидой Литературного фонда писатели впервые стали выступать перед относительно смешанной по социальному составу, но в целом грамотной аудиторией. Тогда на публичных чтениях впервые читали свои тексты И.С. Тургенев, Ф.М. Достоевский, Н.А. Некрасов, Я.П. Полонский, А.Н. Майков и многие другие литераторы, чья репутация уже успела сложиться к этому времени [Вассена, 2014].

Позднее, к 1870-м годам, в российском образованном обществе стала остро осознаваться потребность устройства специальных, пре-

имущественно просветительских публичных чтений для солдат, а также для безграмотного или полуграмотного народа, который приезжал на сезонные работы в города или перебирался на постоянное жительство в городские трущобы. Общий процесс урбанизации обусловил высокий спрос на публичные чтения как со стороны самого народа, у которого появлялось свободное время в городе, так и со стороны просветителей, которые видели разрушительные последствия алкоголизма в крестьянской среде и хотели предложить иную, более полезную, форму досуга городским рабочим. Подобная практика уже существовала в Западной Европе преимущественно в виде развлекательных или духовных чтений и чтений о вреде алкоголя. По убеждению чиновников, ее адаптация не только могла оказаться эффективной в смысле воспитания, но и позволила бы создать образ просвещенного государства.

Так, в 1872 г. при Министерстве народного просвещения была создана специальная Постоянная комиссия по устройству народных чтений, которая должна была не только разработать регламент, но и создать официальный просветительский дискурс, адресованный народу. Более того, публичные чтения для народа требовали развитой институциональной инфраструктуры, которая предполагала наличие издательства и сотрудничество с авторами, компетентными в различных профессиональных областях, от истории до медицины. Необходимо было разработать тексты и сформировать сообщество чтецов, которые могли бы их зачитывать. Требовались и специальные аудитории, приспособленные для большого количества людей, часто плохо одетых и не привыкших к подобным мероприятиям. Световые проекции, иллюстрировавшие тексты, воспроизводились с помощью так называемого волшебного фонаря (*laterna magica*), передового достижения оптических технологий того времени. Процесс подготовки материалов для оптических проекций был дорогостоящим и трудоемким: на стеклянные пластины изображение наносили от руки или с помощью технологий копирования, в связи с чем появлялись специальные фирмы, а также мастерские по перепродаже и производству волшебных фонарей и световых картин. Должна была сформироваться сложная сеть институтов, чтобы реализовать просветительский проект публичных чтений для народа, создать некий

канон общих знаний в народной среде и сформировать народного читателя.

Классические труды по истории чтения Д. Брукса и А.И. Рейтблата посвящены характеристике народного читателя в поздний период Российской империи и исходят из обращения к читательским предпочтениям [Brooks, 2003; Рейтблат, 2009]. Однако рынок изданий для народа включал не только тексты, которые могли быть выбраны и прочитаны по собственной инициативе. Как показывает феномен публичных чтений, сюда относились и тексты, которые могли восприниматься небольшими группами крестьян на слух и визуально. Уровень грамотности в России в конце XIX — начале XX в. был довольно низким: до начала Первой мировой войны он составлял менее 40% [Arnove, 2013, p. 129]. Таким образом, мы можем предполагать, что практика чтения в этот период в большей степени была представлена как делегированное чтение, чем как чтение, основанное на личном выборе и личных предпочтениях. Изучение феномена народных чтений как практики организованного массового делегированного чтения приобретает существенное значение для истории чтения в целом, особенно для понимания, что представлял собой «народный читатель» в дореволюционный период.

Австралийский историк М. Лайонс, исследуя промежуточные формы грамотности, которые способствовали такому социальному феномену, как распространение чтения [Lyons, 2001; 2014], вводит понятие «delegated writing», — так описывается способ коммуникации между безграмотными или полуграмотными людьми в конце XIX — начале XX в., когда передача личных сообщений производилась третьими лицами, обученными грамоте и способными закодировать и декодировать отправляемое сообщение. Аналогичным образом народное чтение представляло собой то, что можно было бы определить как «делегированное чтение» (delegated reading). Специальные книги для народа, в создании которых принимало участие государство, часто были написаны с ориентацией на публичное произнесение: непосредственно чтение осуществлял один человек, но в поле настоящих читателей, которым адресован текст, попадали все присутствующие при чтении слушатели.

Говоря о народных чтениях, важно также остановиться немного подробнее на термине «народный читатель», который встречается

как в русскоязычных, так и в англоязычных публикациях. Английский термин «common reader» был использован Д. Бруксом для обозначения адресата спонсируемых государством публикаций [Brooks, 2003, p. 311]. При этом стоит учитывать, что понятие «народный читатель» принадлежало своему времени, т.е. распространялось вместе с народными чтениями и довольно широко использовалось современниками по отношению к бедным и малообразованным крестьянам и горожанам, которые могли позволить себе только дешевые брошюры для чтения. Значение слова «народный» в исходной концепции, таким образом, порождает иерархическую дистанцию между образованными и необразованными группами. В результате термин «common reader» стал обозначать конкретное место в государственной иерархии и указывать на специфического адресата, сконструированного официальной повесткой. Независимо от того, будем ли мы рассматривать народного читателя как объект государственного влияния или как объект влияния других, более частных групп, мы так или иначе столкнемся с народным читателем как с продуктом социального воображения. Такой сконструированный читатель уже изучался на советском материале [Добренко, 1997], в данном же случае мы обращаемся к более ранней модели мягкого политического воздействия на большие массы людей, которая демонстрирует высокий уровень перформативности, задействуя аудиальное, пространственное и визуальное восприятие. Такая форма представления сближает чтения с театральным действием, с одной стороны, и киносеансом — с другой. Однако это самостоятельная практика, в рамках которой оказывается чрезвычайно важна идея посредничества, внушающая, что между экраном и аудиторией требуется специальный проводник.

Теоретический взгляд на чтение в более широком перформативном контексте уже был сформулирован учеными. В частности, подход, изложенный в книге Г. Кавалло и Р. Шартье «История чтения на Западе» [Cavallo, Chartier, 2003], предполагает, что чтение следует рассматривать как практику, представленную в ее исторически сложившихся материальных формах. Именно материальная форма художественного текста оказывает существенное влияние на его понимание. Эта идея пересекается с высказанной Р. Эскарпи концепцией «creative treason» — «творческой подмены»: исходные оригинальные, но непонятные для аудитории идеи и понятия автора подменяются

новыми, совместимыми с потребностями новой публики [Escarpit, 1971, p. 23]. Таким образом, публичные чтения, ориентированные на предполагаемого адресата, народного читателя, можно рассматривать как раннюю модель медиа для народа, задача которых и заключается в продуцировании адаптаций признанных и легитимных произведений для условного «другого», с кем требуется найти контакт, для полубразованных читателей из народных масс. Поскольку практика чтения для народа, превратившись в перформанс, технически усложнилась по сравнению с индивидуальным чтением, фигура народного читателя тоже усложнилась — вместо собственно читателя появился зритель перформанса. Эта перформативная структура народных чтений сделала их идеальным инструментом для передачи ролевых моделей, присвоение которых народом могло проходить в контролируемых условиях. Таким образом, адаптированная для публичного чтения литература превратилась в инструмент трансляции легитимных правил поведения и стратегий жизнеустройства.

Другой теоретический аспект анализа фигуры народного читателя касается идеологических представлений, которые стояли за публичными чтениями. Кажется, что фигура народного читателя в истории России во многом родственна феномену конструирования национальной и имперской идентичности, а публичные чтения сделали мощным инструментом, разработанным правительством для распространения национальной идеи по всей империи. Народный читатель, создававшийся при содействии официальных политических институтов и консервативной прессы, представлял собой не просто воображаемого или предполагаемого читателя, подобного тому, которого рассматривает нарратологическая теория, но целое «воображаемое сообщество» [Anderson, 2006], или, точнее, «воображаемое национальное сообщество», другими словами, народный читатель стал элементом воображаемой национальной идентичности. По мнению С. Франклина и Э. Виддис, создание «великорусской» идентичности сделалось политическим императивом и процессом культурной инкорпорации: как если бы русские периодически пытались утвердить и переопределить себя в концептуальном пространстве, первоначально разработанном другими странами и для других граждан [Franklin, Widdis, 2004, p. 4–5]. Разрыв между представлениями политических элит о крестьянах и реальными читательскими

потребностями самих крестьян и рабочих становится очевидным из-за ограничений, которые пытались установить официальные лица в своем дискурсе о публичных чтениях.

Сконструированный государством народный читатель, воплощенный в объекте публичных чтений, до сих пор остается недостаточно изученным. Однако обращение к деятельности Комиссии по устройству публичных чтений и в целом к чтениям как к комплексному феномену может расширить наше понимание культуры чтения в дореволюционный период и потому требует более внимательного рассмотрения.

Народные чтения в контексте дискуссии о народной литературе

Первые эксперименты по устройству народных чтений проводились в самом начале 1870-х годов в Санкт-Петербурге, в Соляном городке (рис. 13.1), под эгидой Педагогического музея военно-учебных заведений, которым заведовал учредитель музея и руководитель реформы военного образования Н.В. Исаков, а затем генерал-лейтенант и военный педагог В.П. Коховский. При содействии градоначальника Санкт-Петербурга генерал-адъютанта Ф.Ф. Трепова было решено совместить солдатские и народные публичные чтения [Барсков, 1914, с. 57]. Однако вскоре стало понятно, что солдаты и «народ» — это разные аудитории. В результате Педагогический музей стал специализироваться на публичных лекциях, рассчитанных на более грамотных и подготовленных слушателей, а контроль над организацией публичных чтений для народа взяли на себя городские власти. В 1872 г. была учреждена Постоянная комиссия по устройству народных чтений в Санкт-Петербурге при Министерстве народного просвещения; она тесно сотрудничала с Ученым комитетом и смогла открыть собственное издательское общество, чьи брошюры для публичных народных чтений распространялись по всей империи [Барсков, 1914, с. 63]. Позже, в 1874 г. начала работать Московская комиссия народных чтений при Обществе распространения полезных книг, чьи издания также в большом количестве приобретались устроителями. Затем стали открываться комиссии по устройству народных чтений в крупных городах, как, например, Харьковская или Новгородская ко-

миссии. Такие комиссии существенно облегчали процедуру устройства чтений, там же, где их не было, бюрократические процедуры и финансовое обеспечение брали на себя земства [Рушанин, 2011]. Важно, что большинство комиссий представляли собой частные организации, государственный статус имела только столичная, которая полностью отвечала за формирование официального дискурса, обращенного к народному читателю.

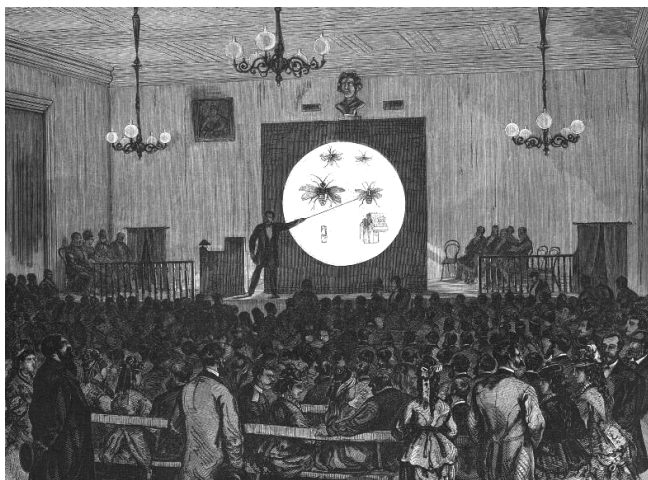

Рис. 13.1. Народные чтения с туманными картинами в Соляном городке, рисунок Г. Бролинг (Всемирная иллюстрация, 1874, № 280, с. 316)

Институциональная организация народных чтений неизбежно была связана с выработкой издательской программы, поскольку тексты публиковались в виде небольших книг-брошюр и выходили на общий конкурентный рынок народной литературы. Такие брошюры часто имели типовую обложку, в некоторых имелись иллюстрации, не менее красочные, чем в лубочных изданиях. На обложке всегда указывалась предельно низкая цена, чтобы книгу мог приобрести любой желающий и чтобы офеням, разносившим книги по деревням, сложнее было ценой манипулировать. Брошюры официальных народных чтений заказывались народными, школьными и главными

городскими библиотеками, рекомендовались Министерством народного просвещения и активно рассылались по некоммерческим каналам распространения книжной продукции; появлялись они и на прилавках николевских книгопродавцев³²⁵ вместе с лубочной литературой, вступая с ней в конкурентную борьбу, что входило в круг задач книги для народа [Некрасова, 1902, с. 63].

В результате либеральных реформ 1860-х годов перемены в социальной сфере привели к тому, что на литературный рынок пришел многочисленный, но едва грамотный и неразборчивый потребитель. Образованное общество со всей ответственностью осознавало необходимость нести знание новому читателю. Однако, вопреки ожиданиям, это знание оказалось невостребованным. Главная общественно-культурная проблема состояла в том, что инициатива писательского сообщества по просвещению народа со стороны самого народа была полностью проигнорирована: тиражи не раскупались, книга не доходила до своего читателя. С. Ан-ский (С.А. Рапопорт), принимавший участие в просветительском движении и в течение семнадцати лет читавший народу классические произведения, пишет о своем опыте так:

Пробовал читать Пушкина и Гоголя, Лермонтова и Некрасова, Тургенева и Достоевского — и каждое из этих чтений оставляло в душе осадок жгучей обиды и тоски, болезненное чувство, которое может быть понятно только тому, кто сам пережил эти впечатления. Слушатели не только не понимали того, что я читал, но и не старались, не хотели понять. После первых двух-трех страниц они становились равнодушными к тому, что я читал, и никакие мои усилия возбудить их интерес не действовали [Ан-ский, 1913, с. 74].

Л.Н. Толстой в педагогических статьях за 1862 г., представив эту проблему на суд широкой публики, задался вопросом: почему народ не принимает литературу и искусство высшего общества? Толстой пришел к выводу, что высокая литература интеллигенции «испорчена цивилизацией» и дает ложную картину ценностей. Между тем народ обладает своими представлениями о красоте, добре и правде, поэтому нуждается в принципиально другой книге. Так начался

³²⁵ Николевская улица в Москве в XIX в. была известна как место, где можно было купить дешевые книги и лубочные картинки (подробнее см.: [Рейтблат, 2009, с. 147]).

знаменитый проект писателя по созданию специальной литературы для народа — на страницах журнала «Ясная Поляна», в издательстве «Посредник» и в других отдельных книжных изданиях (см. об этом выше, в главе 12).

Во второй половине XIX в. образованное общество стало осознавать, как велика дистанция, препятствующая культурному посредничеству между ним и народом. Возникло движение по организации специальных издательских книжных серий для народа. Под именем народа и народного читателя во второй половине XIX в., вероятно, понималась довольно неоднородная масса людей с низким уровнем грамотности, в которую входили низшие социальные слои: сельские крестьяне, ремесленники, мастеровые, солдаты, фабричные и сезонные рабочие, торговцы и др. (см.: [Пругавин, 1890, с. 56]). Такое широкое понимание могло отчасти обуславливать разнородность самих изданий.

При всем многообразии издательств для народного чтения, типологически основные интенции можно распределить по трем направлениям, причем границы групп остаются нечеткими, проницаемыми, в зависимости от того, как издатели понимали задачу народного просвещения. Так, некоторые издатели полагали, что народ, как ребенок, чист и невинен, должен впитывать только самое лучшее, самое прекрасное, и стремились выпускать для народа все лучшее, чем могла похвастаться социальная элита. Например, В.Н. Маракуев в «Народной библиотеке» издавал адаптированные сочинения Шопенгауэра для народа [Шопенгауэр, 1894], полагая, что сознание народного читателя открыто для восприятия лучших образцов мировой культуры.

Когда народные чтения в полной мере упрочились как постоянная практика, В.Н. Маракуев опубликовал свою речь под названием «Что читал и читает русский народ» [Маракуев, 1886]. Здесь он с философских позиций объясняет, что неотъемлемым свойством народа считает способность к непосредственному восприятию жизни; именно объективное созерцательное мышление, не испорченное рефлексией, является залогом исключительной творческой энергии и народного гения. В этой системе координат народ соотносится с талантливый Моцартом и бесхитростным Дон-Кихотом, а интеллигенция — с расчетливым Сальери и рефлексирующим Гамлетом: «Задача наша не в том, чтобы поднять до себя народ, а чтобы самим возвы-

ситься до него» [Маракуев, 1886, с. 14]. Дискуссию о том, какие книги должен читать народ, автор резюмирует следующим образом: «Раз мы признаем, что мужик — человек, вопрос разрешается просто: дайте ему доступ ко всему высокому, истинно-человеческому, все равно откуда бы оно ни было взято — с запада или востока» [Там же, с. 37].

Другие издатели полагали, что специальную литературу для народа необходимо создавать силами образованных людей, знающих жизнь и нужды народной среды. Так, например, специально для народа писали В.И. Даль, А.Ф. Погосский, Л.Н. Толстой. Одним из самых влиятельных в дискуссии о том, какая литература должна издаваться для народа, было мнение Л.Н. Толстого. В 1884 г. им была произнесена «Речь о народных изданиях» в кругу сочувствующих этому делу людей, среди которых был Маракуев [Толстой, 1958, с. 523–529]. Ключевой призыв Толстого состоял в том, чтобы не разделять общество на народ и интеллигенцию, а «передавать те великие произведения ума человеческого, которые сделали людей тем, чем они есть» [Там же, с. 259]. Просветительская позиция Толстого подразумевала, что для народа нужно создавать специальную литературу, привлекая для этого авторов — специалистов в своем деле, которые должны были отказаться от иерархии и выстраивать с народом диалог на равных.

Наконец, были издатели, которые придерживались мнения, что для народа должен писать сам народ, потому что никто не может знать о нем больше, чем он сам. Эту задачу успешно выполняли любочные писатели, публиковавшиеся под псевдонимами, как, например, И. Кассиров, И. Смирнов, А. Сердобольский и проч.

Комиссия по устройству народных чтений принимала и частично реализовывала все три направления развития народной литературы. В частности, для государственного просветительского института была важна популяризация лучших образцов мировой литературы, однако отношение к народному читателю как к обладателю незамутненного детского сознания было усвоено Комиссией исключительно в иерархическом контексте. Толстовские идеи о разработке специального письма, адресованного народу, тоже были близки Комиссии, но стоящая за ними философия «опрошенчества» и диалога на равных была полностью отмечена, именно поэтому Толстой был скупко представлен в изданиях Комиссии [Агафонова, 2019]. Идея о том, что для народа должен писать сам народ, тоже казалась Комиссии слишком

радикальной, хотя и не лишенной здравого смысла. Для подготовки текстов приглашались не представители народа, а авторы образованные, но при этом близкие к народу — педагоги, имевшие опыт в сфере народного образования и сочувствующие народному образованию, писатели и писательницы, связанные с государственной службой, но находившиеся на задворках литературного процесса. Так, большую популярность среди изданий Комиссии приобрели тексты, написанные А.П. Сетковой (Катенкамп), хорошо знавшей сельскую жизнь и публиковавшей до этого рассказы из народного быта в журнале «Родина» [Хрущов, 1901]. Комиссия заботилась о том, чтобы тексты чтений были понятны и неумтомительны для народа, и часто они редактировались коллективно авторами разных специальностей.

Комиссия по устройству народных чтений

При изучении книжного рынка популярной литературы имеет большое значение издательская деятельность Комиссии, поскольку эта институция существовала при Министерстве народного просвещения, транслировала официальную точку зрения государства на народ, на проблемы взаимодействия с ним и координировала широкую сеть книжного распространения во всей Российской империи, т.е. рекомендовала издания для заказа всеми народными библиотеками страны. Книги, издаваемые Комиссией, читались в народных домах и специальных аудиториях для публичных чтений. Изучение и анализ издательской деятельности Комиссии прежде всего дает понятие о том, какой образ народа конструировало государство.

Работа Комиссии укладывается в период с 1872 по 1917 г. Весьма сложным представляется вопрос о формировании ее состава, поскольку со сменой руководства менялся не только концептуальный подход к управлению, но также порядок ведения и хранения документации, в связи с чем некоторые административные изменения могут оставаться до конца непроясненными.

Издательские стратегии Комиссии во многом зависели от этих внутренних изменений. Состав Комиссии начал формироваться с официального обращения к А.А. Козлову, санкт-петербургскому обер-полицмейстеру, генерал-майору свиты его величества, и назначения его председателем. Таким образом, просветительское дело

начало развиваться под руководством военного специалиста³²⁶. Более Козлов в документах не фигурировал, ведение дел перешло к генерал-адъютанту Ф.Ф. Трепову, затем — к действительному статскому советнику, попечителю учебного округа К.П. Яновскому [Хрущов, 1901, с. 2]. Тем не менее важно, что деятельность Комиссии изначально была ассоциирована с полицейским ведомством, одной из важнейших задач которого было решение вопросов, связанных с отходниками — крестьянами, массово приезжавшими в город на сезонные работы, что неизбежно создавало проблемы с размещением, санитарией и безопасностью в целом.

Сама практика организации экспертных комиссий в 1870-е годы, когда к решению необходимых задач привлекались не чиновники, а эксперты или представители различных профессиональных сообществ [Барыкина, 2018, с. 213], была необычной для государственного управления в сфере преобразовательных проектов. В первоначальный состав Комиссии по устройству народных чтений входили довольно высокопоставленные люди: действительный статский советник и директор народных училищ С.Е. Рождественский, тайный советник А.Н. Попов, статский советник И.П. Хрущов, статский советник В.И. Лапин³²⁷. С 1880 г. членами Комиссии стали дьякон церкви императорской Академии художеств В.П. Постников, тайный советник и сенатор И.Н. Турчанинов, младший цензор в комитете иностранной литературы Я.П. Полонский, комиссар-эзекутор 4-го отделения его императорского величества канцелярии Н.И. Гвоздово-Голенко, протоиерей В.Я. Михайловский, князь М.Р. Кантакузин — граф Сперанский; в Комиссию также вошли камер-юнкер, инспектор учебной части в школах императорского русского технического общества Н.П. Столпянский, член императорского Археологического общества и почетный вольный общник императорской Академии художеств Н.П. Петров и купец 1-й гильдии Е.С. Егоров³²⁸. Судя по отчету И.П. Хрущова о первых пятнадцати годах деятельности Комиссии, разносторонняя экспертиза членов общества должна была помогать в обсуждениях и подготовке текстов для народных чтений.

³²⁶ О личном составе Комиссии народных чтений см.: РГИА. Ф. 750. Д. 1. Л. 1.

³²⁷ Там же. Л. 2.

³²⁸ Там же. Л. 3.

Первых писателей, опубликовавших свои произведения в издательстве Комиссии, можно было бы целиком отнести к высшим кругам образованного общества, даже, скорее, к политической элите. Первые книги религиозного содержания выпустил этнограф-беллетрист, почетный академик Петербургской академии наук С.В. Максимов, географические очерки — генерал-майор А.Н. Супонев, исторические очерки — детская писательница, жена генерала С.М. Макарова, биография А.В. Кольцова для народа впервые вышла под редакцией действительного статского советника М.Н. Парунова.

В 1879 г. деятельностью комиссии заинтересовался будущий император, Александр III, это означало, что дело Комиссии требовало дальнейшего развития. В 1882 г. председателем издательского общества был назначен И.П. Хрущов. Примерно в это же время граф С.Г. Строганов как крупный меценат пожертвовал Комиссии 10 000 руб., вскоре после чего естественным образом увеличилась ее издательская активность [Хрущов, 1901, с. 2]. В этот плодотворный период деятельности Комиссии князь В.И. Масальский, ботаник, исследователь Кавказа, открыл серию естествознания для народа. Издавалась также известная писательница Евгения Тур, урожденная Сухово-Кобылина, сестра драматурга. Важными для издательства авторами были такие популярные литераторы, как А.Н. Майков, дворянин, поэт, член-корреспондент Петербургской академии наук, В.П. Желиховская, писательница, увлеченная теософией Блаватской, а также Э. Кислинская, жена педагога и методиста В.П. Вахтерова.

В дальнейшем, со времени председательства В.С. Соловьева, административный учет дел велся довольно бессистемно, и почти невозможно говорить о точном составе Комиссии. В то время в издательстве появлялось все больше условно средних писателей: А.А. Бахтиаров, закончивший Московскую учительскую семинарию, П.К. Козлов, сын торговца, окончивший реальное училище, А.М. Путинцев, филолог, выходец из семьи священнослужителей, и др. В поздний период, когда Комиссией руководил Е.П. Ковалевский, юрист и общественный деятель, член Государственной думы, тенденция привлекать к сотрудничеству авторов-педагогов сохранилась. Чаще всего вклад каждого из них составлял одну-две книги.

Рассматривая динамику изданий³²⁹, стоит сказать, что в целом Комиссия издавала сравнительно немного брошюр, но при оценке эффективности этого просветительского проекта важно учитывать не столько количество изданий, сколько большие оплаченные государством тиражи, некоммерческие каналы распространения, официальные рекомендации для всех устроителей народных чтений и в большинстве случаев коллективную аудиторию. В то же время востребованность этих изданий вызывает сомнения: несмотря на то что современники отмечают в целом высокий интерес к народным чтениям — в частности, к произведениям таких авторов Комиссии, как А. Майков и А. Сеткова (см., например: [Народные чтения..., 1898]), — отдельные издания были холодно встречены критиками. Так, Х.Д. Алчевская отмечает чрезмерно пафосный язык А.Г. Филонова, одного из авторов Комиссии [Что читать народу..., 1888, с. 88]. Издания Комиссии скорее были навязаны читателю, чем добровольно им выбраны, тем не менее их покрывала аура государственного авторитета, что позволяет рассматривать чтения как один из важных дискурсов популярной литературы. В целом Комиссия, конечно, производила тексты, поддерживающие государственную политическую повестку, и, очевидно, являлась инструментом идеологической пропаганды. Несмотря на это, мы увидим, что просветительский проект Комиссии не был простым рупором лоялистских идей, а включал и более сложные и масштабные идеологические задачи.

Издательская активность Комиссии развивалась тяжело и медленно, каждое издание проходило много этапов проверки, коллективно обсуждалось и только потом печаталось, почему и количество издаваемых книг оставалось невелико. Деятельность Комиссии можно условно поделить на четыре или пять периодов в зависимости от смены руководителей и общей издательской повестки.

За 45 лет существования Комиссии сменилось как минимум семь председателей. Сначала срок руководства был сравнительно не-

³²⁹ В выходных данных изданий и переизданий обязательно присутствует ссылка на Комиссию по устройству народных чтений. Рассматриваемая здесь статистика формировалась на основании базы данных, составленной нами с помощью каталогов Российской национальной библиотеки и Российской государственной библиотеки (см.: <<https://github.com/yanagafonoff/komissiya-narodnih-chteniy-katalog>>).

большим, поэтому в первые 10 лет на этом посту сменилось четыре председателя: А.А. Козлов, Ф.Ф. Трепов, К.П. Яновский, В.И. Лапин. Эти четыре чиновника относились к издательству с разной степенью ответственности, и в целом, пожалуй, период был наименее продуктивным. Затем, с 1882 г., в течение пятнадцати лет председателем Комиссии был И.П. Хрущов. На это время приходится расцвет деятельности издательства. С 1897 по 1903 г. — при В.С. Соловьеве — в основном выходили переиздания. Последний председатель Комиссии Е.П. Ковалевский, вероятно, руководил ею до 1917 г. Этот срок можно разделить на два периода: до войны 1914 г. и после, поскольку военное положение значительно повлияло на деятельность устроителей народных чтений и привело к существенному изменению содержания изданий, большинство из которых стали ориентироваться на актуальную военную тематику. В отличие от Соловьева, Ковалевский пользовался популярностью среди педагогов и старался выпускать издания с большей регулярностью, чем его предшественники [Панина, 1957]. Внимания также заслуживает последний, военный, период деятельности Комиссии, когда издательство пыталось готовить чтения на военные темы. Тем не менее, рассматривая последние четырнадцать лет деятельности Комиссии как цельный период, можно говорить о том, что эта институция в целом наращивала активность, постепенно увеличивая количество изданий.

В соответствии с этой периодизацией мы можем рассматривать издательскую стратегию, проявляющуюся в выборе жанров, которые предлагались для народа. В частности, можно отметить постепенное снижение количества издаваемой духовной литературы и увеличение художественных изданий, а также литературных биографий (см. рис. 13.2). Аналогичную тенденцию в развитии массовой литературы фиксирует А.И. Рейтблат, ссылаясь на данные о книгах, которые поступали в земские библиотеки, и сведения о крестьянах, которые со временем все реже заказывали духовное чтение [Рейтблат, 2009, с. 143]. Данные об изданиях Комиссии это подтверждают. Несмотря на то что последний председатель Е.П. Ковалевский признавал необходимость духовного образования народа и даже говорил об этом в своем докладе III Государственной думе, за все тринадцать лет его работы в Комиссии было издано меньше духовно-просветительских чтений, чем за шесть лет председательства его предшественника В.С. Соловьева.

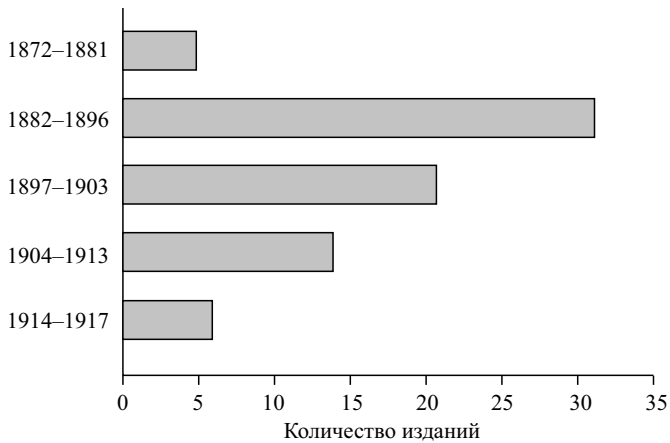

Рис. 13.2. Религиозно-просветительские издания
(по значимым периодам руководства разными председателями)

Среди издательских трендов внимания также заслуживает отношение издателей к литературе о географии и путешествиях. Если при Хрущове путешествия издавались в том же количестве, что и религиозная литература, то в дальнейшем интерес к ним только возрастает. В поздний период, при Ковалевском, травелоги для народа составляют наибольшую часть издательской программы, обгоняя исторические и художественные издания даже в военные годы (см. рис. 13.3).

Отношение к историческим нарративам для народа было самым нестабильным и более всего зависело от индивидуальной программы каждого издателя. Несмотря на малые объемы выпуска в ранний период деятельности Комиссии, на историю приходилась значительная часть: нарративы о битвах и правителях, военных деятелях (о Куликовской битве, о Екатерине II, Петре I, Александре I, о Суворове, о походе в Хиву). При Хрущове сюжеты в основном концентрировались вокруг Смутного времени — об убийстве царевича Дмитрия, о том, «как русские люди выбрали царем Михаила Федоровича Романова», «о покорении царства Казанского»; сам председатель подготовил издание о Михаиле Тверском и нашествии татар [Петров, 1884; Лапин, 1887; Хрущов, 1884]. Соловьева исторические нарративы интересовали меньше, чем литературные, поэтому при нем в основном перепе-

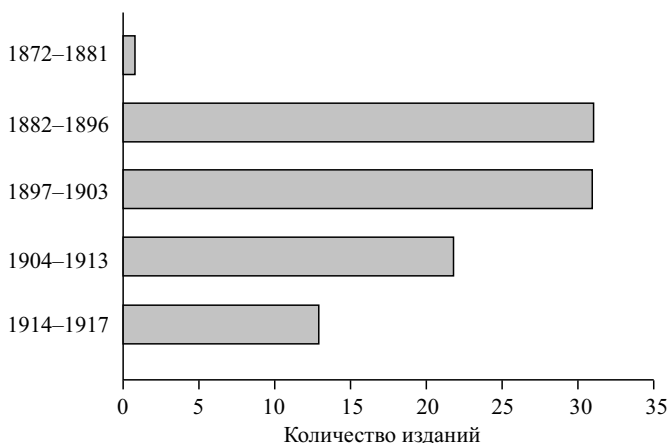

Рис. 13.3. Издания на географические темы и о путешествиях (по значимым периодам руководства разными председателями)

чатывались хрущовские издания. В то же время появилось несколько новых названий, свидетельствовавших об интересе к европейской истории, например, биография Иоанны д'Арк и Христофора Колумба, история присоединения Малороссии [Кремлев, 1899; Христофор Колумб..., 1892; Купчинов, 1897]. Наконец, в поздний и самый продуктивный период деятельности Комиссии интерес к истории снова возрос: переиздаются с исправлениями старые издания, а поскольку Ковалевский имел репутацию прогрессивного общественного деятеля, издательство Комиссии начало проявлять больший интерес к текущему политическому процессу, к Русско-японской войне, к походам в Маньчжурию, к трагедии на «Титанике», к Первой мировой войне [Лухманова, 1904; Верещагин, 1904; Полилов, 1913; Вакуловский, 1915] (см. рис. 13.4).

Что касается художественной словесности, примечательно, что больше всего воспитательных фикциональных нарративов (часто неизвестных или анонимных авторов) о том, как следует жить простому народу, выходило именно на раннем этапе деятельности Комиссии, при Хрущове. Соловьев предпочитал переиздавать воспитательные истории и преимущественно обращался к произведениям авторов, которые успели к началу XX в. закрепиться в русском литературном каноне (Пушкин, Гоголь, Некрасов). Ковалевский, кроме отечественной литературы, стремился издавать также адаптированную за-

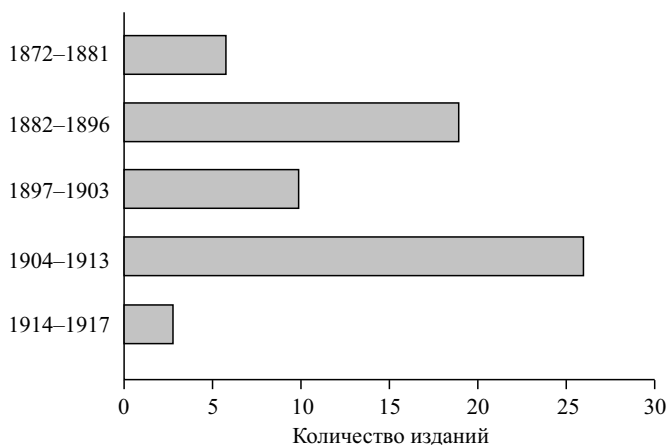

Рис. 13.4. Издания на исторические темы
(по значимым периодам руководства разными председателями)

падную. Так русские крестьяне могли познакомиться на публичных чтениях с произведениями Генри Лонгфелло, Эдмондо де Амичиса и Фридриха Шиллера (см. рис. 13.5).

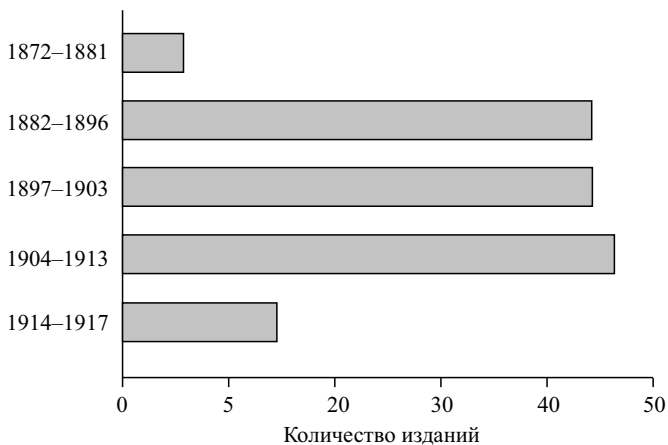

Рис. 13.5. Художественные издания, а также литературные биографии
(по значимым периодам руководства разными председателями)

Комиссия, как и многие подобные издательства, выпускавшие книги для народа, настаивала на безвозмездности своего труда. Д. Брукс, исследовавший рынок популярной литературы этого периода, отмечает, что Комиссия платила авторам больше, чем получали известные писатели в хороших журналах [Brooks, 2003, p. 305]. Предельно низкая розничная цена на книги, солидные авторские гонорары, а также право контролировать проведение официальных народных чтений делали Комиссию одним из крупнейших акторов на рынке изданий для народа.

Регламентация публичных народных чтений

Организованная деятельность по устройству народных чтений сразу же стала предметом чрезвычайно строгой регламентации со стороны государства. В 1871 г. после доклада генерал-адъютанта Трепова о необходимости устройства народных чтений для борьбы с пьянством в крестьянской среде были разработаны правила 1872 г., утвержденные Комиссией по устройству народных чтений [Энциклопедический словарь..., 1907, с. 595]. В соответствии с этими правилами, чтения должны были проводиться строго по тексту, одобренному Министерством народного просвещения, а само устройство чтений — находиться исключительно в ведении этой Комиссии. Такое повышенное внимание к народным чтениям со стороны государства было связано с тем, что в 1870-е годы все чаще для слушателей из народа публично читали представители революционного народничества [Сафронова, 2019].

В 1876 г. в политике регламентации происходит небольшая, но важная либерализация: выходят «Правила проведения народных чтений в губернских городах». Отныне устройство чтений допускалось по просьбам обществ и частных лиц, материальное обеспечение при этом возлагалось на организаторов, однако по-прежнему к чтению рекомендовались строго определенные книги и только чтецы, получившие разрешение у губернатора, а за самими чтениями велся надзор директорами училищ. Народные чтения вне губернских городов были запрещены до 1894 г.

В 1890 г. выходят «Правила о бесплатных народных читальнях и о порядке надзора за ними». Именно в эти читальни среди прочего

заказывались книги для народных чтений. Появление «Правил...» связано с тем, что до 1890 г. в России существовал единый запретительный каталог для всех публичных библиотек страны. По мере увеличения числа народных библиотек возникли опасения, что таким образом в народ проникает нежелательная литература из числа дозволенных книг. В результате в обход существующего на тот момент законодательства для бесплатных народных библиотек была разработана разрешительная система допуска литературы вместо запретительной, и в бесплатные народные библиотеки стала допускаться только та литература, которая разрешалась «Правилами...» от 15 мая 1890 г. и каталогами Ученого комитета Министерства народного просвещения. В книгах, разрешенных для народных чтений, также указывалось, что они могут быть пригодны для начальных школ [Павлов, 2000, с. 11].

Ограничение круга публичных чтений и губительные последствия такой строгой регламентации вызывали общественное недовольство и критику в интеллигентских кругах, в частности Н.А. Рубакин писал:

Условия, в которые поставлены народные библиотеки и читальни «правилами» 15 мая 1890 г., крайне тяжело отражаются и на количестве, и на качестве их. В основу этих «правил», как известно, положена мысль, что читатель из народа — какое-то особенное существо, которое сугубо необходимо оберегать, но уберечь которое от чего-то опасного общая цензура не в силах, а для которого нужна еще цензура особенная, не только Министерства внутренних дел, но и других ведомств. Этим объясняется, почему в народные читальни допускаются не всякие книги, а лишь некоторые, признаваемые полезными [Рубакин, 1895, с. 139].

К началу 90-х годов XIX в. регламентация чтений для народа имела более строгие рамки, чем в средних школьных классах. Практика устройства народных чтений предполагала циркуляцию очень ограниченного числа книг и особый надзор за их содержанием. Речь идет именно об официальных чтениях, проводимых со всей государственной поддержкой. Усиление их регламентации вело к распространению практики неофициальных чтений и циркуляции запрещенных книг под идеологически одобренной обложкой изданий Комиссии [Сафронова, 2019].

В целом принято считать, что народные чтения как практика внешкольного образования в Российской империи развивались позже и медленнее, чем в соседних европейских странах, где во второй половине XIX в. процесс шел довольно стремительно. В Германии в 1890-е годы уже существовал специальный институт странствующих лекторов и ежегодно устраивалось более 10 тыс. публичных лекций по всей империи [Энциклопедический словарь..., 1907, с. 596] — существенно больше, чем в России. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона фиксирует примерно 40 ежегодных чтений на губернский город. Учитывая, что губерний, управляемых по общему учреждению, к 1913 г. насчитывалось 49, в лучшем случае это означает менее 2 тыс. чтений в год. При этом критики, историки и пресса того времени в целом констатируют, что спрос на чтения был колоссальный. Однако не будем забывать о такой важной инфраструктурной особенности развития чтений в России, как полный контроль над ними государственного аппарата. Это тормозило частную инициативу [Пругавин, 1890, с. 53] и вынуждало строителей по несколько раз повторять одни те же тексты [Энциклопедический словарь..., 1907, с. 597], что в целом негативно влияло на развитие народных чтений.

Издания Комиссии по устройству народных чтений

Комиссия по устройству народных чтений пыталась формализовать тематическое деление своих изданий. В рекламных проспектах представлены следующие категории: религиозно-нравственный отдел, исторический отдел, география и этнография, научно-популярные издания, биографии, поэзия и беллетристика, а также юридический и общественный отдел [Кузьмина, 2014]. Деление носило условный характер и зависело, вероятно, от того, кто оформлял рекламную часть брошюр для чтения.

Все брошюры так или иначе можно разделить на три большие группы текстов. Значительную их часть составляла литература, относившаяся к культурно-историческому канону и включавшая адаптации литературной классики, биографии писателей, исторических деятелей, а также описания ключевых событий национальной и мировой истории. Другая группа текстов, интерес к которым показывал ярко выраженный рост на протяжении всей деятельности Ко-

миссии, — это чтения по естественно-научной тематике, в том числе о явлениях природы, о биологии и медицине, географии и народах мира. Наконец, третья большая категория изданий Комиссии должна была выполнять социально-воспитательную задачу и включала религиозно-нравственные тексты, художественные тексты о жизни и проблемах крестьян, чтения о правильном поведении, о борьбе за трезвость. Таким образом, Комиссия стремилась сформировать у народного читателя представления о культуре, о природе и легитимных жизненных стратегиях.

Литературно-исторический канон должен был способствовать уменьшению в сфере культуры дистанции между народом и образованным обществом, формированию некоего общего национального контекста. Ключевыми авторами, создававшими ядро литературного канона, судя по числу переизданий Комиссии, оказались три поэта: У. Шекспир, А.С. Пушкин и А.В. Кольцов [Агафонова, 2019]. Такой выбор, вероятно, был обусловлен, с одной стороны, представлениями Комиссии об идеальном народном читателе, а с другой — осознаваемым социальным неравенством. Получалось, что народный читатель должен был совместить в своем сознании и признать представителей мирового канона, национального русского канона, а также писателей, отражавших социально близкую крестьянам картину мира, именно поэтому в канон Комиссии попадает Кольцов, который благодаря В.Г. Белинскому приобрел репутацию певца русской деревни [Шеля, 2018, с. 123]. Все эти произведения выходили в адаптированном виде, в кратком пересказе, с акцентом на социально-предметном мире, знакомом деревенским жителям. «Король Лир» Шекспира и вовсе вышел в упрощенном переложении, со знакомыми крестьянскими реалиями, под названием «Старик Никита и его три дочери» (рис. 13.6). Так, под видом тематически близких крестьянам сюжетов Комиссия формировала литературный канон для народа, приемлемый одновременно и для политической элиты.

Что касается исторических чтений для народа, то наибольшее число переизданий получило чтение «О смутном времени на Руси: 1. Убиение царевича Димитрия и что последовало за кончиной царя Феодора Иоанновича. 2. Народное ополчение на защиту отечества и как русские люди выбрали царем Михаила Феодоровича Романова». Другие часто издававшиеся чтения Комиссии были посвящены

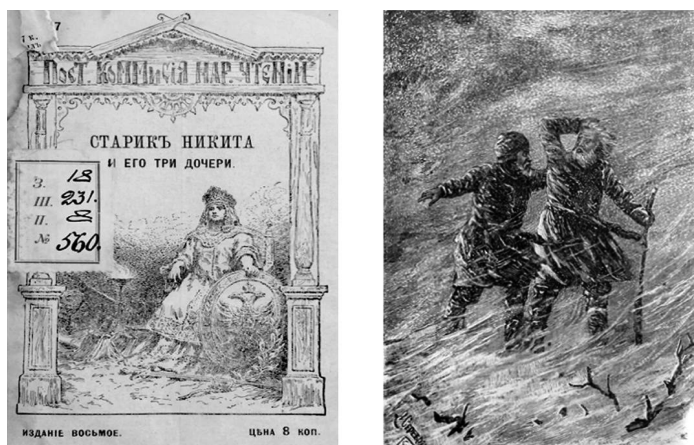

Рис. 13.6. Обложка и иллюстрация восьмого издания: Сеткова А.П. Старик Никита и его три дочери. Санкт-Петербург: Постоянная комиссия по устройству народных чтений, 1914

в основном царской семье [Котомина, 2018]. В контексте публичных чтений Комиссии исторический нарратив, обращенный к народным массам, осознавался не столько как просветительский, сколько как инструмент политической легитимации власти. Отдельного одобрения требовали и военные действия, поэтому среди исторических изданий Комиссии многие посвящены военным сражениям (о Суворове, о том, как погиб, но не сдался крейсер «Рюрик», о православных воинах, о битве при Гангуте и др.). Как правило, все эти чтения рассказывали о бесстрашии перед смертью и должны были способствовать военной мобилизации. Кроме национальной истории, Комиссия освещала военную историю Франции, Великобритании, Германии и публиковала биографические нарративы, в которых доминировала тема национальной жертвы (например, об Иоанне д'Арк или о том, как доблестно умирали люди на «Титанике»). Как и в случае с литературными текстами, исторические чтения включали биографические истории умельцев, близких к крестьянской среде: о самоучке Иване Кулибине, о купце Иголкине. К этим нарративам примыкает одно из чтений о Петре I: в интерпретации Комиссии Петр предстал народным умельцем, который сам занимался строительством, много учился

и сделался главным педагогом для своего народа. Подобно литературным, исторические чтения Комиссии стремились вписать народного читателя в контекст мировой и национальной культуры, разрабатывая такие адаптации, в которых знаки «высокой» культуры были погружены в понятный для крестьян социально-бытовой контекст.

Издания Комиссии, посвященные географии, близки историческим чтениям как по форме, так и по содержанию: эти тексты описывали культурные особенности внутренних областей империи, а также внешних политических партнеров и противников с той только разницей, что значительная часть этих описаний посвящена естественному природному ландшафту и технологическим достижениям. Как и в прочих тематических отделах, здесь Комиссии важно было вписать Российскую империю в мировой геополитический процесс и установить пространственные связи с просвещенными странами. Так, в чтении о Вологодском крае говорится, что впервые там стала процветать торговля при Иване Грозном, когда «приехал в устье Северной Двины на корабле от английского короля к русскому царю посол Ричард Ченелер и заявил, что англичане хотели бы покупать у русских товары. За англичанами приехали голландцы и немцы» [Демкин, 1901, с. 9]. При этом упоминается, что собственно торговля велась в Архангельске, но корабли загружали в городах Вологодской губернии: так этот проблемный и в целом плохо развитый регион оказался вписан в международные торговые отношения. Когда Комиссия составляла чтения о народах Европы, совершалась противоположная сравнительная манипуляция: изображались не «мы» как «они», а, наоборот, «они» как «мы». Так, например, разговор об итальянцах начинался с описания итальянцев, находившихся в привычных для народного читателя условиях. Представляя итальянскую культуру для народной публики, Комиссия говорила об обитателях российских городов:

В наших городах зачастую можно встретить итальянцев. Они по большей части или ходят с шарманками и играют перед окнами, или же делают и продают разные статуэтки из гипса и глины. Иногда у нас, по неведению, смешивают итальянцев с цыганами, но между ними нет никакого сходства: цыгане — кочующее бездомное племя, итальянцы же народ оседлый, образованный, имеющий свою богатую прекрасную землю [Италия..., 1888, с. 3].

Тема географии в чтениях Комиссии представляла в военном контексте в тех случаях, когда текущие геополитические отношения оказывались напряженными. Так, например, в разгар Русско-японской войны Комиссия издала в количестве не менее 10 тыс. экземпляров брошюру «Японцы и их страна», в которой рассказывалось, как японцы без объявления войны напали на мирный русский флот, и, несмотря на все миролюбие российского государя императора, этот дерзкий поступок заставил его призвать свой народ к оружию. Автор брошюры пишет, что нельзя предвидеть, какими жертвами будет достигнута победа над японцами, но «каждый должен быть готов к тому, что или ему лично, или его близким придется пролить кровь за дорогую родину» [Лухманова, 1904, с. 4]. Призыв к военной мобилизации, таким образом, стал поводом для описания географических, природных и культурных особенностей этой страны.

Воспитательная, или нравственная, литература Комиссии на религиозные темы по большей части носила информативный характер и представляла собой пересказы Нового Завета или житий святых, развивая ту же идею о самопожертвовании во имя православной веры и родины. Воспитательный характер носили и художественные рассказы, сочиненные специально для народа, о пользе трезвости, гигиены, а также о правилах общежития и легитимных стратегиях поведения крестьян в городах и деревнях. Эти, казалось бы, утилитарные задачи Комиссия настойчиво вписывала в международный европейский контекст. Так, например, рассказывая крестьянам о бирже труда, автор чтения проводил параллели с успешными биржами во Франции, Англии и Германии. Показательно и то, что Комиссия, желая стимулировать развитие социальных низов, издала для русских крестьян чтение «Как во Франции крестьяне сделали состоятельными», а рассказывая о том, как противостоять холере, — чтение «Англичанка Екатерина Медсен в Сибири у прокаженных». Таким образом, в просветительском проекте Комиссии устойчиво прослеживалась задача объяснить русским крестьянам, что они часть глобального мира и должны развиваться по примеру просвещенных европейских империй. Эта задача тесно увязывалась с другой, противоположной — внушить национальную гордость и мобилизовать народ на военную защиту Российской империи.

Аудитории для народных чтений

Во второй половине XIX в. практика чтения пережила фундаментальное изменение, которое состояло в количественном расширении аудитории, — теперь она достигала десятков и сотен человек одновременно. Очевидно, что публичные чтения для народа требовали специально оборудованного пространства. Такие пространства обязательно закладывались в проектирование народных домов, строительство которых в этот период стало популярной международной практикой. В Санкт-Петербурге большую известность приобрели народный дом Николая II (1901), народный дом Э.Л. Нобеля (1901), Лиговский народный дом графини Паниной (1903).

Описывая практики устройства народных чтений московской Комиссией, А.С. Пругавин отмечал, что чтения могли подразделяться на официальные и неофициальные [Пругавин, 1890, с. 54]. Однако дело не в том, что неофициальные чтения были нелегальными, они просто были менее «парадными». Со временем предназначенных для таких мероприятий малых читален становилось все больше. В 1880-е годы официальные чтения для народа в Москве происходили в Политехническом музее, в Александро-Мариинском училище, в чайном магазине Перлова, в мастерских Московско-рязанской железной дороги (рядом с Рязанским вокзалом, сейчас — Казанский). Неофициальные, «непарадные» чтения для народа, как правило, проводились для определенной аудитории слушателей: в больницах — для больных и выздоравливающих, в казармах — для нижних воинских чинов, в тюрьмах — для заключенных, на фабриках и заводах — для рабочих и т.д.

Комиссия по устройству народных чтений в Санкт-Петербурге изначально устраивала чтения в зале Городской думы на Невском проспекте, однако статус государственного института требовал разработки собственного проекта центральной аудитории для народных чтений. Разработка такого проекта была поручена архитектору С.А. Поленову (1850–1902), строившему приюты и дома призрения для народа³³⁰. Поленов провел целое исследование зданий и городских локаций для народных чтений, о чем систематически доклады-

³³⁰ РГИА. Ф. 750. Д. 8. Л. 25. О постройке аудиторий для народных чтений.

вал председателям Комиссии. Архитектор разработал финальный проект государственной аудитории для народных чтений (рис. 13.7), но, судя по всему, он так и не был воплощен в жизнь. Тем не менее этот проект важен для понимания просветительских амбиций, с которыми Комиссия приступала к новой практике народных чтений.

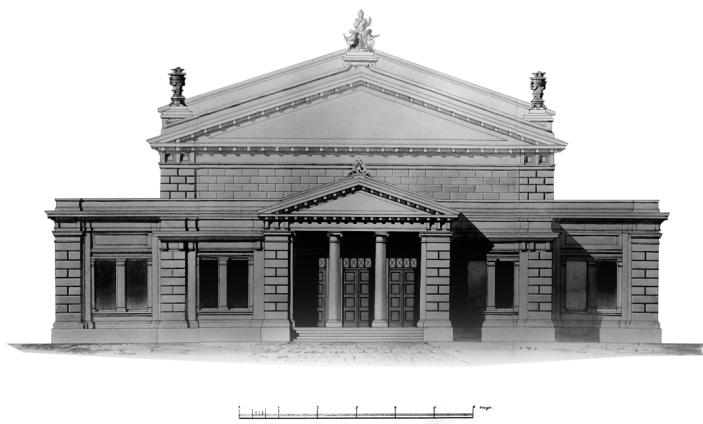

Рис. 13.7. Проект народной аудитории на 1000 человек. Фасад

В проекте были поставлены три ключевые задачи. Первая — прежде всего, он должен был отражать заботу государства о народе и вписываться в общеевропейскую политику народного просвещения. Проект фасада выполнен в типичном для европейских столиц неоклассическом стиле, но с куда большим размахом: аудитория была рассчитана на 1000 человек, подобных зданий такой вместимости прежде не строили. Народная аудитория внешне напоминала Конно-гвардейский манеж в Петербурге, что в некотором смысле выдавало военный характер просветительского проекта Комиссии — множество слушателей требовалось как-то организовать и дисциплинировать. Именно с этим были связаны две другие задачи архитектурного проекта Комиссии.

Аудитория для народных чтений должна была превратить грязную толпу городской бедноты в организованные ряды чистых слушателей, поэтому Поленов специально озаботился организацией пространства с гигиенической точки зрения. Авторы чтений Комиссии

на тему здоровья признавали важность этой проблемы и открыто заявляли о бедственном положении народа:

Ни один народ в большей своей части не живет так неопратно, как мы, русские. Начиная от постройки жилища и кончая самыми мелкими подробностями своего быта мы сделали то, что во многих местах целые деревни стали очагом заразы, для уничтожения которой нужны такие же меры, как при борьбе с чумой и оспой [Протасова, 1904, с. 15].

Помещение для чтений в проекте Поленова представляло собой длинный зал, организованный строго, лаконично, дешево и многофункционально. Параллельные ряды скамеек — посадочные места разделялись широкими проходами. В зале были большие окна, которые можно было занавесить при воспроизведении проекций. Благодаря этим окнам помещение можно было проветривать — в дополнение к вентиляционной системе, спроектированной Поленовым. Планировались туалетные комнаты: четыре мужские уборные и одна женская, а также отдельная маленькая комната для фортепиано и еще одна для фотооборудования³³¹. Если скамейки отодвинуть к стенам, по замыслу Поленова, аудитория для чтений могла трансформироваться в гимнастический зал³³². Опираясь на западный опыт строительства подобных зданий, Поленов проектировал не просто зал для чтений, он думал о телесном преобразовании неопратного народного читателя, как это описывал М. Фуко [Фуко, 1999, с. 218–219].

Наконец, еще одна задача, которую была призвана решить аудитория для народных чтений, соотносилась с другим тематическим блоком издательского проекта Комиссии — чтениями о борьбе за трезвость. Довольно сложно и, вероятно, бесполезно организовывать и просвещать пьяный народ, поэтому аудитория должна была предложить не просто досуговую альтернативу кабаку, но и замену алкоголю, а значит, использоваться как чайная. В частности, сохранилась фотография просторной чайной залы в Лукьяновском народном доме в Киеве: образцовые народные читатели запечатлены с газетами и чаем на столах. Вообще, практики народного чтения и чаепития

³³¹ РГИА. Ф. 750. Д. 8. Ненумерованный лист. О постройке аудиторий для народных чтений.

³³² Там же. Л. 4.

в просветительском проекте Комиссии увязывались в некую новую комплексную телесность. Показательно, например, что Комиссия тесно сотрудничала с Попечительством о народной трезвости, в чью сферу входила организация чайных помещений. Обращаясь к Попечительству в специальном докладе, Комиссия предписывала, «чтобы чайные были устраиваемы в достаточно обширных и светлых помещениях, чтобы на каждую чайную получалось не менее одной ежедневной газеты и одного иллюстрированного журнала»³³³.

При сравнении народных домов и аудиторий позднего периода Российской империи с аналогичными зданиями и помещениями западноевропейских держав прослеживается одно принципиальное различие, а именно слабая связь церкви с общим движением публичных чтений для народа. В отличие от народных домов в протестантских странах, в сходных российских архитектурных проектах отсутствовало помещение под часовню, которое могло привлекать в народный дом верующих разных сословий [Lindenmeyr, 2012]. Если там церковь активно включалась в просветительское движение [Wells, 2015] и чтения для народа устраивались непосредственно в храмовых зданиях, то в отношении православной церкви таких свидетельств не обнаруживается. Вероятно, принадлежность церкви к государственным органам власти накладывала на это бюрократические ограничения; сложные межинституциональные отношения, а также высокая степень сакрализованности религиозного пространства, присущая православию, препятствовали тому, чтобы допустить светскую образовательную практику в церковные стены. Это обстоятельство могло способствовать изоляции читателей, собиравшихся в народных домах и аудиториях отдельно от других сословий, и, как представляется, наложило отпечаток на процесс народного просвещения в России в предреволюционные годы.

Публичные чтения и световые проекции

С ростом популярности публичных чтений проекционные аппараты, или так называемые волшебные фонари, как модная оптическая технология заказывались в Россию из Великобритании, Франции, Гер-

³³³ ЦГИА СПб. Ф. 218. Оп. 1. Д. 427. Л. 6. О народных чтениях в губернии.

мании и США частным образом, затем в крупных городах появились коммерческие компании-перекупщики. Среди таких компаний известны, например, магазины оптики О. Рихтера, А. Бурхарда, В. Беренштама, В. Березовского, А. Мина, Д. Алферова, А. Анциферова, А. Вернера, А. Карелина, С. Баранова, Э. Трындина и многие другие. В 1880-х годах некоторые российские компании начали производить свои собственные волшебные фонари, например, компания механика и оптика Федора Швабе в Москве предлагала покупателям проекты собственного производства. В 1909 г. Постоянная комиссия по устройству народных чтений в Санкт-Петербурге с гордостью представила свой собственный запатентованный проектор, воспроизводящий непрозрачные предметы, эпидиаскоп «Ермак» — техническое достижение отечественной оптической индустрии. И все же, несмотря на попытки наладить собственное производство фонарей, чаще всего проекционные технологии закупались у западных производителей и затем адаптировались для местных нужд. Пожалуй, самой широкой сферой применения волшебного фонаря в дореволюционной России оказалась сфера школьного и внешкольного образования, и особенно публичные чтения для народа.

Что касается проекционных слайдов, стеклянных диапозитивов для волшебного фонаря, то они также часто заказывались из-за границы, особенно для частных коллекций, но многие чтения для народа, посвященные, например, национальной культуре и истории, не могли быть иллюстрированы иностранными слайдами, поэтому с 1880-х годов фирмы, занимавшиеся продажей фонарей, пытались наладить оригинальное производство слайдов для народных чтений. Среди художников, специально работавших над изготовлением иллюстраций для волшебного фонаря, были Я.П. Турлыгин, Н.А. Богатов, П.М. Боклевский, В.И. Навозов, Н.Н. Каразин и др. Однако технологическое и коммерческое развитие производства оригинальных диапозитивов повлияло на появление множества техник копирования готовых изображений для световых проекций [Котомина, 2012]. С одной стороны, это удешевляло процесс производства слайдов, но с другой — превращало их в эфемералии, которые довольно быстро исчезли из культурного пространства. Тем не менее мы можем проследить некоторые важные стратегии иллюстрирования оригинальных публичных чтений и рассмотреть, как именно слайды для вол-

шебного фонаря участвовали в конструировании фигуры народного читателя как продукта социального воображения.

Производство световых картин для народных чтений обернулось для государства достаточно дорогим предприятием. Из документов Комиссии явствует, что наиболее остро стояла проблема обеспечения народных чтений световыми картинами. Так, 10 мая 1908 г. Комиссия обратилась к министру народного просвещения Н.А. Шварцу, запросив средства на их покупку. Председатель Е.П. Ковалевский сообщил, что Комиссия располагает коллекцией всего в 6000 картин, иллюстрирующих 325 чтений, и сокрушался, что этого количества картин совершенно недостаточно, поскольку в Комиссию за картинами обращались многочисленные народные аудитории, губернские и уездные Попечительства о народной трезвости, низшие и средние учебные заведения, войсковые части и морские команды. Поскольку Комиссия по устройству народных чтений в Петербурге являлась единственным официальным учреждением, высылавшим световые картины для народных чтений по всей России по самой дешевой цене, понятно, что затруднение в получении картин из Комиссии тормозило развитие чтений вообще. В документе «О световых картинах и фонарях для их демонстрирования» сообщается следующее:

Всего по приблизительному подсчету потребуется в ближайшем времени около 3500 картин. При этом необходимо будет произвести некоторые затраты на покупку шкафов для хранения картин, изготовление рамок для них, ящиков для рассылки, издание каталогов и проч. и в сверх того понадобится усилить личный состав служащих по выдаче картин. На все вышеизложенные нужды Комиссия испрашивает единовременное пособие в размере шести тысяч рублей, так как, обращая все свои средства на издательское дело, Комиссия может уделять из них на приобретение картин лишь незначительные суммы³³⁴.

Чтения с волшебным фонарем в Петербурге устраивались также Обществом грамотности и Педагогическим музеем военно-учебных заведений. Однако это были предприятия существенно менее затратные, чем просветительский проект Комиссии по устройству народных чтений. Несмотря на наличие фирм, которые занимались

³³⁴ РГИА. Ф. 750. Оп. 1. Д. 5. Л. 5.

изготовлением световых картин профессионально, можно было копировать их почти в домашних условиях. Так, Санкт-Петербургское общество грамотности, формулируя свою просветительскую программу, считало возможным организовать мастерскую по изготовлению световых картин своими силами:

В основу деятельности Комиссии общества грамотности положены: бесплатный труд членов ее, число коих не ограничено, устройство образцовой народной аудитории, издание чтений, выработка системы в них, изыскание способов к удешевлению стоимости световых картин и аппаратов к ним и улучшению качества их, устройство собственной мастерской для воспроизведения световых картин по лучшим художественным оригиналам, образование кадра лекторов, устройство специальной библиотеки из книг, приноровленных к чтению в народных аудиториях, выдача во временное пользование из своей коллекции картин и прочих принадлежностей для демонстрирования их, организация правильного пользования материалом для чтения [Краткие сведения..., 1904, с. 6].

Комиссия по устройству народных чтений при Министерстве народного просвещения существовала совсем на других финансовых основаниях. В нее входили высокообразованные и благородные люди из высшего общества, среди которых были тайные и статские советники, дворяне и известные купцы. Статус Комиссии не позволял предлагать самодельные слайды для официальных чтений. Поэтому Комиссия сотрудничала с самыми знаменитыми мастерскими Петербурга по изготовлению световых картин для волшебных фонарей.

Одна из самых авторитетных фирм в Санкт-Петербурге, выпускавшая собственные проекционные аппараты и световые картины, «Мастерская учебных пособий и игр» была основана в 1873 г. А.К. Ержемским (1845–1905), членом Российского технического общества, первым фотографом Русского музея и автором известного самоучителя фотографии [Фассман, 2015, с. 278]. Позднее, в 1877 г., фирма была юридически оформлена как «товарищество на вере» совместно с кандидатом естественных наук и педагогом А.Н. Канаевым (1844–1907). Располагалась она в центре города, недалеко от Невского проспекта, в доме № 9 по Троицкой улице (сейчас улица Рубинштейна). Канаев, по завещанию Ержемского, должен был руководить «Мастерской» после смерти компаньона. После смерти Канаева

«Мастерской» до 1917 г. руководила А.А. Обратнова, которая вместе с многими другими образованными женщинами, неравнодушными к народным чтениям, развивала это производство вплоть до революции.

Постоянная комиссия по устройству народных чтений напрямую сотрудничала с компанией Ержемского и Канаева и широко рекомендовала их продукцию, публикуя небольшие рекламные объявления на обложках своих книг. Канаев даже пересказал драму А.А. Потехина «Чужое добро впрок нейдет», и этот пересказ был выпущен Комиссией как чтение для народа [Канаев, 1912]. Сама же фирма «Мастерская учебных пособий и игр» успешно развивала свой бизнес и получила множество наград на международных технологических выставках, что всегда указывалось в их рекламных объявлениях [Руководство..., 1897]. В частности, упоминаются медали на выставках в Митаве в 1875 г., в Брюсселе и Филадельфии в 1876 г. и в Париже в 1879 г. Утвердив свою репутацию на заграничном рынке, фирма Ержемского и Канаева получила золотую медаль на Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде в 1896 г., а также медаль Императорского русского технического общества «за самостоятельную постановку изготовления волшебных фонарей и за их доброкачественность», золотую медаль на выставке при Съезде деятелей по техническому и профессиональному образованию в Москве в 1896 г. за изготовление диапозитивов к волшебному фонарю высокого качества.

Производство световых картин в компании Ержемского и Канаева должно было удовлетворить высокий спрос на иллюстративные материалы для публичных чтений, и «Мастерская» публиковала в своих каталогах пространные списки серий диапозитивов. Кроме того, компания Ержемского, стремясь добиться высокого качества световых картин, развивала технологии копирования и подбирала для диапозитивов готовые гравюры из лучших современных журналов, что позволяло изготавливать диапозитивы с актуальными и профессиональными иллюстрациями. Среди источников были журналы «Всемирная иллюстрация» и «Русский художественный листок», публиковавшие иллюстрированные новости. Так, народное чтение о Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. [Берс, 1900] было проиллюстрировано слайдом, скопированным из «Всемирной иллюстрации», где впервые было опубликовано изображение Османа-паши,

передающего саблю генералу Ганецкому³³⁵. Авторы сборника «Что читать народу» также описывают случай прочтения в деревне книги Е.И. Конради «Черные богатыри» по книге французского инженера и исследователя Луи Симонена «La vie souterraine» («Подземная жизнь») про жизнь рудокопов, которая была хорошо знакома слушателям, населявшим местность, где добывался каменный уголь [Что читать народу..., 1888, с. 859]. В фонде Музея истории фотографии в Санкт-Петербурге имеются диапозитивы для волшебного фонаря к этому чтению, скопированные с гравюр к французскому изданию, которые, в свою очередь, перекочевали в русскоязычное издание Ф. Павленкова (см. рис. 13.8).

Рис. 13.8. Слева диапозитив для волшебного фонаря, иллюстрировавший народное чтение «Черные богатыри» (из собрания Музея истории фотографии, Санкт-Петербург). Справа иллюстрация из издания Ф. Павленкова: Конради Е. Черные богатыри: Из жизни рудокопов под землей. СПб., 1885

Схожий подход к производству диапозитивов выбрала оптическая фирма А.Д. Мина, располагавшаяся на Бассейной улице (ныне — улица Некрасова), не менее известная, чем мастерская Ержемского, и разросшаяся в кинофабрику «Минотавр» [Дюшен, 2003]. Чрезвычайно популярное чтение для народа, которое неоднократно переиздавалось Комиссией, «Полтава» Пушкина, иллюстрировалось в мастерской Мина слайдами, скопированными с гравюр Ральфа Штейна и Николая Лоренца. Эти гравюры были опубликованы в юбилейном пушкинском номере журнала «Нива» за 1899 г., а саму

³³⁵ Рисунок С. Шамота см.: [Иллюстрированная хроника..., 1878, с. 201].

серию диапозитивов Мина можно увидеть в коллекции Музея кино в Москве. Тщательный отбор изображений для световых картин еще раз демонстрирует, что публичные чтения для народа не стремились уподобиться дешевым изданиям с лубочными иллюстрациями, популярными у крестьян и простого народа; напротив, через диапозитивы для народных чтений распространялись профессиональные и актуальные иллюстрации, копируемые из еженедельных иллюстрированных журналов.

Еще одна компания, с которой сотрудничала Комиссия по устройству народных чтений, — фирма оптика и механика О. Рихтера, располагавшаяся на Адмиралтейской площади, № 4. Имеющиеся в коллекции Музея истории фотографии проекционные слайды этой фирмы к публичному чтению о Робинзоне Крузо также напоминают копии с успешно продававшихся на международном рынке изданий известной американской фирмы McLoughlin Brothers, выпускавшей, в частности, иллюстрированные детские издания [Robinson Crusoe..., 1889] (рис. 13.9).

Рис. 13.9. Слева диапозитив для волшебного фонаря на стекле к публичному чтению о Робинзоне Крузо, изготовленный мастерской О. Рихтера. Справа хромолитография к детскому изданию о Робинзоне, изготовленная McLoughlin Brothers, 1889

Другая стратегия иллюстрирования народных чтений — визуальная адаптация чужеродных концепций к крестьянской реальности. Выше (см. рис. 13.6) мы приводили иллюстрацию к популярному чтению «Старик Никита и его три дочери», адаптации шекспировского «Короля Лира» Александры Сетковой (в замужестве Катенкамп).

Рисунок художника Серебрякова использовался для воспроизведения на диапозитивах, как указывается в списке иллюстраций на обложке книги. На иллюстрации изображена известная сцена из пьесы Шекспира, в которой король Лир и шут попадают в степную бурю. В визуальной адаптации Серебрякова два крестьянина, старик Никита и его мудрый друг Степан, попадают в снежную метель. Предполагалось, что это изображение более соответствует российской действительности и литературным традициям, делает повествование ближе к святочному рассказу со счастливым концом, чем к экзистенциальной трагедии. В народной адаптации русский король Лир восстановлен в своем статусе и счастливо доживает век с любимой младшей дочерью, тогда как старшие, льстивые и завистливые, подвергнуты общественному порицанию.

Похожим образом иллюстрировался «Евгений Онегин» для народа, сокращенный до коротких фрагментов о временах года. В фонде Государственного литературного музея в Москве была найдена специальная иллюстрация для волшебного фонаря к этому чтению, нарисованная художником Яковом Турлыгиным и сопровождавшая отрывок под названием «Зима» (см. рис. 13.10). Как и в случае с избранными для народа текстовыми фрагментами, иллюстрация имела косвенное отношение к сюжету знаменитого романа. Тем не менее она позволяла читателю ассоциировать себя с текстом, буквально визуализируя пушкинские строки. Взгляд зрителя, очевидно, должен был двигаться от переднего плана к дальнему и, наконец, к среднему. Так, мы сначала видим, как крестьянин «на дровнях обновляет путь», затем — как летит «кибитка удалая» с ямщиком в тулупе, обращаем внимание, как «бегают дворовый мальчик, в салазки жучку посадив», а если присмотреться к окошkam, можно даже увидеть мать, которая «грозит ему в окно». Таким образом, задача визуализации в данном случае — не столько передать содержание, сколько закрепить классику в народном сознании, поместив канонический роман в один контекст с календарными традициями русских крестьян.

Одной из важнейших тем, воспроизводившихся на дореволюционных слайдах, был крестьянский деревенский быт. В этом контексте А.В. Кольцов, чья поэзия была близка к фольклору, стал важной фигурой литературного канона, обращенного к народу и формировавшегося устроителями народных чтений. В коллекции московского

Рис. 13.10. Турлыгин Я.П. Иллюстрация к роману в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин». «Зима! Крестьянин, торжествуя». Рисунок для «Волшебного фонаря» (конец XIX в. Из фондов Государственного литературного музея в Москве)

Политехнического музея нами был обнаружен диапозитив для волшебного фонаря, иллюстрирующий биографию Кольцова, издания Постоянной комиссии по устройству народных чтений [Парунов, 1874]. Световая картина представляет собой изображение лирического героя стихотворения «Ну, тащися, Сивка!» и довольно близко перекликается с картиной И.Е. Репина «Толстой на пашне». С точки зрения чиновников, сочетание крестьянского быта и литературных представлений о культуре элит должно было высветить общие для обоих сословий ценности. В то же время очевидно, что крестьяне не были адресатами этого многоуровневого сообщения, поскольку они не могли быть знакомы с визуальным контекстом иллюстрации, отсылающим к истории культуры и литературы.

Не менее важной стратегией конструирования визуального мира для простых читателей было сочетание национальных идей и образов просвещенных западных государств в публичных народных

чтениях. Выбор художников для иллюстрирования чтений можно объяснить именно действием этих двух установок. Для световых проекций зачастую намеренно использовались диапозитивы, скопированные с произведений одновременно отечественных и зарубежных авторов, будто целью просветителей было поставить в один ряд тех и других. Например, известная и довольно авторитетная фирма В.А. Беренштам, дочери известного филолога и этнографа А.Н. Пыпина (кузена Н.Г. Чернышевского), раздавала для публичного чтения слайды, посвященные жизни Иисуса Христа, диапозитивы для которого были созданы по мотивам произведений известного французского классика Густава Доре и современного русского художника Николая Кошелева. Таким образом, визуальный нарратив о жизни Христа включал следующие картины: «Тайная вечеря» и «Снятие с креста» Доре сменялись слайдами, скопированными с произведений Кошелева «Прободение ребра Иисуса воином» и «Жены-мироносицы» (см. рис. 13.11). Сам текст, подготовленный для чтений, не содержал никаких пояснений о происхождении иллюстраций, поэтому кажется, что подобные отсылки и не должны были быть понятны крестьянам и рабочим, т.е. эта информация была не важна для адресата народных чтений.

Рис. 13.11. Слева диапозитив для волшебного фонаря под названием «Тайная вечеря», копия с гравюры Густава Доре «Тайная вечеря» (из собрания Музея истории фотографии, Санкт-Петербург).
Справа диапозитив для волшебного фонаря из той же серии под названием «Спаситель на кресте», копия с картины Николая Кошелева «Прободение ребра Иисуса воином» (конец XIX в., из собрания Музея истории фотографии, Санкт-Петербург)

Кому же она была адресована? Народные чтения заключали важное послание о распространении ценностей, общих для народа и просвещенного общества. Это послание было, скорее, адресовано педагогам и другим образованным людям, вовлеченным в развитие

народных чтений, как напоминание о просветительской основе всего проекта. Такие отсылки повышали престиж образовательного движения в глазах самих просветителей, принадлежащих к глобализованному обществу людей культуры, науки, искусств. Визуальный мир, созданный на слайдах, имел сложную двойную структуру адресации, похожую на модель детской литературы, которая часто адресована одновременно и ребенку, и родителю. Так, благодаря условному культурному коду один считывает идею о полезности сообщаемой информации, а другой соотносит эту информацию со своими бытовыми представлениями о мире. Подобным образом рассмотренная стратегия иллюстрирования народных чтений позволяет увидеть, как государственный образовательный проект сближает субъекта из народа с адресатом детской литературы, соответствующим образом выстраивая отношения с народом.

Просветительский проект Комиссии по устройству народных чтений был направлен на формирование «народного читателя» как социально воображаемого конструкта, некоего образца, с которым рабочие и крестьяне должны были себя соотносить, чтобы считаться просвещенными. Чтения для народа постепенно становились сложным инструментом внутренней и внешней политики государства, с помощью которой государство формировало не только «народную» идентичность, но и свою собственную. В поздний период Российской империи чтения составили важное звено в просветительской политике государства, а народный читатель, в изобретении которого Комиссия сыграла важную роль, стал культурной конструкцией, которая сохранила свои функции в XX и XXI вв. и продолжала адаптироваться для новых идеологических задач.